

Смог ли СМОГ
стать самым молодым обществом гениев и лишить
соцреализм девственности?

Заметки о событиях пятидесятилетней давности

Александр Урусов
Университет Неаполя «L'Orientale»

Тезисы

In this article Alexandre Urussov (Aleksandr or Alexander Urusov according to different transcriptions) recalls his participation in the underground youth association SMOG in the Soviet Union in 1965. A young Muscovite prose writer at the time, Alexandre Urussov took part in some demonstrations organised by SMOG and published his short story *The cry of distant ants* in the *samizdat* review *Sfinksy*. The story has been translated into several languages and published in the United Kingdom, Italy, Germany, France, Canada and Iceland. The author explains the dynamics of certain cultural processes in the life of the Soviet Union of those times, the distinguishing features of the literary Samizdat of SMOG writers and the acts of repression by the Soviet authorities against dissident writers.

Ключевые слова

Самиздат, СМОГ, Л. Губанов, В. Батшев, СССР, КГБ

Контакты

urussov30@mail.ru

Предложение от журнала «Enthymema» написать воспоминания о моем участии в неофициальном молодежном объединении СМОГ в середине шестидесятых годов прошлого века, надо признаться, застало меня врасплох. Видимо, о проделках моей молодости, подумал я, каким-то образом стало известно уважаемым ученым, филологам и философам, которые издают этот замечательный и очень серьезный научный журнал. Мне было сказано, что готовится номер, посвященный «самиздату», и редакции хотелось бы узнать от одного из тех, кто непосредственно в этом «самиздате» участвовал, как всё это было на самом деле. Такое внимание, не скрою, должно было бы польстить самолюбию, но меня оно довольно сильно озадачило. Само слово «самиздат» уже прочно вошло в словари и энциклопедии многих языков, его употребляют иногда и в контекстах, мало подходящих первоначальному смыслу: сам себя издаю (или «самсебяздат», как в 40-х уже годах поэт Николай Глазков подписывал свои рукописные книжки). Однако мой скромный вклад в неофициальную самиздатовскую литературу, мне думалось, не заслуживает большого внимания,

а оказалось, что *Крик далёких муравьев*, написанный в семнадцать лет рассказ в полтора десятка машинописных страниц, не остался незамеченным. Более того, попав из самиздата в «тамиздат», он был переведен на многие языки, о чем я долгие годы не знал, даже покинув СССР. Помню, как мой товарищ по СМОГу, поэт Леонид Губанов в конце шестидесятых сказал мне, что *Крик* будто бы «издан по всему свету тиражом китайских презервативов». Тогда я принял его комплимент за поэтическую гиперболу. Но об этой истории позже.

Александр Урусов (Alexandre Urussov, Ouroussov, Arkadij Usjakin и др.), со смогистской миссией в Ленинграде, ок. 1965 г.

Сегодня о СМОГе в России пишут мемуары, защищают диссертации, издаются книги, а покойный уже Леонид Губанов, действительно гениальный поэт и один из организаторов СМОГа, признан почти уже классиком русской поэзии второй половины XX века.¹

Конец зимы или уже начало весны 1965 года. Ко мне домой на Кутузовский проспект неожиданно явился Володя Батшев. «Старик, доставай свою пишущую машинку, будем печатать манифест-программу СМОГа». Как всегда Батшев

¹ В Интернете сейчас можно найти множество материалов о Леониде Губанове. Например, *Библиография житнетворчества Леонида Губанова* 2009 года содержит 284 наименования: <<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=42117>>. См. также диссертацию на соискание звания к.ф.н.: Журбин.

деловит, быстр, порывист (слово сомнительное, но все-таки точно передает характер поэта и организатора Владимира Батшева).

Владимир Батшев (18 лет), опознавательная милицейская фотосъемка анфас и в профиль.

Про СМОГ я уже слышал, разговоры о нём шли какое-то время в нашем кругу, я даже присутствовал, как мне сейчас помнится, при первых обсуждениях дефиниции того, что должно было «ёмко и веско» обозначить суть нового и вполне революционного (иначе не мыслилось) явления: общество с неограниченной творческой безответственностью десятка очень молодых и творчески порывистых (опять!) людей. Само по себе эта аббревиатура (С.М.О.Г.) вызовет, я был уверен, ехидную реакцию со стороны наших будущих критиков из официоза. Ведь слово смог, в приложении к дыму и гари капиталистических городов (Лондона, в частности), было одним из весомых советских аргументов в холодной войне. Только когда Москву летом 1972 года плотно заволочло удушливым смогом от горящих по области торфяников, слово идеологически сдулось и получило российскую прописку. Мои робкие возражения не возымели никакого эффекта, название общества уже было утверждено на высшем уровне

(по мнению В. Батшева,² автором был Л. Губанов). Слишком красиво СМОГ расшифровывался: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина». Позже эти четыре буквы разбудили буйную фантазию участников, всех наших друзей и знакомых, и посыпалось: «Сжатый Миг Отраженный Гиперболой», «Сила Мыслей Оргия Гипербол» и кто знает, сколько ещё слоганов было придумано. Незыблемой оставалась лишь первоначальная дефиниция: «Самое Молодое Общество Гениев».

По поводу «общества» никаких сомнений не возникало – в наших умах, инкубаторно взращенных советской школой, прочно застряли Южное и Северное общество декабристов и прочие «общества» террористов-народников. Что-то неопределенно-революционное было, конечно, в наших свободолюбивых душах и помыслах. Но следует сразу оговориться. Многие из нас, как я считаю, и не думали всерьёз о какой-либо революции (типа пушкинского «не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»), а воображали лишь некое романтическое переустройство чего-нибудь эдакого, скажем, политики в приложении к культуре. Мечталось об отмене одиозных идеологических ограничений свободы творчества. Ведь несмотря ни на что, мы (говорю не только о себе) были «детьми оттепели», когда в воздухе и в официальной печати витали какие-то обнаруженные Хрущёвым в период правления Культа Личности «нарушения ленинских норм», «извращения принципов» и тому подобные эвфемизмы, призванные затушевать и смягчить людоедский характер, имманентно присущий коммунистической власти в СССР.

Сразу же вслед за организацией общества, за утверждением первых членов и отработкой критериев приема в него новых («принимать исключительно гениев», – заявил безапелляционно Губанов), встал вопрос о концептуальной сущности, о мировоззренческой, так сказать, платформе нашего объединения.

² Не совсем полагаясь на свою память, я с удовольствием прибегал в написании этих заметок к помощи книг-воспоминаний Владимира Семеновича Батшева *Записки тунейца; СМОГ: поколение с перебитыми ногами*. Должен, правда, отметить, что в некоторых незначительных деталях мои воспоминания несколько расходятся с его реконструкцией тех событий. По поводу обсуждения названия в воспоминаниях Батшева: «Это хорошо, что СМОГ, – повел глаза к потолку Кублановский – туман, дым, в Штатах или вообще, там – за границей... Так и наша поэзия – как туман, непонятная, неясная, потом все ближе и ясней...»

Леонид Губанов читает свои стихи. Фото В. Сычева, нач. 70-х гг.

Вопрос стоял остро: мы чисто поэтическое, или же также политически ангажированное общество? Можно ли в этом недемократическом, мягко говоря, государстве с цензурой и тотальным политическим и гебистским контролем над всем, что шевелилось и дышало, быть вне политики? Нам был хорошо известен трагический опыт предшествующего поколения поэтов «с площади Маяковского» Галанского, Буковского, Гинзбурга, Каплана и других.³ И думаю, что не все были готовы идти за идею на каторгу или в психушку. Но были и такие, кто не видел литературы вне политической борьбы,⁴ а кто-то непременно

³ См. сборник хорошо подобранных и откомментированных материалов о диссидентской деятельности 1958-1965 гг., так или иначе связанных с чтением стихов на площади Маяковского в Москве: Поликовская, *Мы предчувствие... Предтеча...*. С некоторыми из «старых» Маяковцев смогисты тесно общались, например, с будущим знаменитым диссидентом Владимиром Буковским, с поэтом Михаилом Капланом, который помогал делать первый номер журнала «Сфинкс».

⁴ Михаил Каплан в беседе с Л. Поликовской так иронически рассказывает о своем первом знакомстве со смогистами: «Приехали мы в квартиру Лени Губанова... Кто-то сидит, печатает на машинке почасовой план взятия Кремля: 12 ч. 10 мин. – Спасские ворота, 12 ч. 15 мин. – Боровицкие...» (Поликовская 311) Должен сказать, что о планах захвата Кремля я и сам слышал в то время. Разговор, помню, шел не очень серьезно, революционный план казался просто хохмой, а ведь будь среди нас тогда стукач, всем собеседникам точно грозил бы немалый срок.

хотел войти в официальный литературный истеблишмент (СП) и оттуда, изнутри, призывать к свободе, разлагать, искать сочувствующих, переманивать их на свою сторону. Кто-то прекрасно понимал, что даже простое, но публично заявленное несогласие, таит в себе реальную угрозу быть, например, изгнанным из университета, а этого не хотелось. Разные мы были... Стоит два слова сказать о смогистах с Кутузовского проспекта в Москве. По правде говоря, в отличие от того, что говорил Михаил Каплан,⁵ с Кутузовского нас было всего двое: Михаил Панов, автор одного рассказа, опубликованного в нашем журнале «Сфинксы» под псевдонимом Михаил Шелгунов, и автор этих заметок, плюс одна наша одноклассница, очень красивая девочка Наташа Варламова, в СМОГе она не состояла, но в неё был влюблён Володя Батшев, который называет её в своих воспоминаниях Натальей Гончаровой (sic!). Может быть мы двое и в СМОГ-то были вовлечены по причине этой любви. В нашем с Пановым классе училась Вера Черненко, в соседнем – Ира Андропова, которая вместе с нами участвовала в школьном драмкружке. Некоторым сегодня эти фамилии уже ничего не говорят, но многие другие наверняка вспомнят, что речь идет о дочках двух будущих генеральных секретарей ЦК КПСС, а Андропов был еще и главой КГБ. Такая у нас была школа (№ 711) на Кутузовском. Теперь внуки Андропова живут в США, а Михаил Панов женился на дочке Черненко и рассказов, насколько мне известно, не пишет.

⁵ М. Каплан: «Глобальные вопросы их (смогистов) совершенно не занимали. Они были повернуты на Запад... И были гораздо циничнее. Мне, например, никогда не приходило в голову мысль: любыми путями пролезть в официальную литературу. А у них это сидело в голове... Они были гораздо более раскрепощенные. Меня это сразу удивило, но поначалу я подумал: они все в основном с Кутузовского проспекта, то есть дети высокопоставленных родителей. Но потом я понял, что не в этом дело... Просто время уже было другое...» (Поликовская 311-312). По поводу того, что все мы хотели куда-то пролезть, Каплан, конечно, ошибался. Лично я прекрасно понимал тогда абсолютную тщетность подобных попыток (с тем, что большинство из нас писало).

Михаил Панов и Александр Урусов (стоит), 1965 г.

СМОГ родился желанием и стараниями Леонида Губанова (желание), Владимира Батшева (желание и старания) и еще нескольких молодых поэтов – Юрия Кублановского, Владимира Алейникова, Аркадия Пахомова. Очень скоро в ряды смогистов влились поэты Юлия Вишневская (16 лет, самая молодая из нас), Сергей Морозов, Александр Велигош – псевдоним, под которым скрывался знаменитый теперь прозаик Саша Соколов. Были прозаики Марк Янкелевич (Эдвин), М. Панов (Шелгунов), был и я, как под своим именем, так и под псевдонимом Арк. Усякин. Были художники, музыканты.⁶

Не буду перечислять всех наших «акций» после создания СМОГа, об этом теперь много пишут и говорят (недавно узнал, что в Москве была даже телевизионная передача о СМОГе), по-всякому муссируя эту тему, то ли потому, что всё самое важное о той эпохе уже сказано, то ли цепляются живые ещё свидетели за своё прошлое, поскольку ничего другого достойного воспоминаний у них в жизни не приключилось. Чем мы занимались кроме сочинения стихов и прозы? Были самостийные поэтические чтения в одной районной библиотеке, там же выставлялись картины неофициальных живописцев. Уже второе, по моему, (или третье?) такое выступление было разогнано милицией с помощью КГБ. На какое-то время удалось возродить чтение стихов на площади

⁶ Полный «официальный» список членов СМОГа приводит В. Батшев в *СМОГ: поколение с перебитыми ногами*.

Маяковского. Однажды вечером, помнится, я прочитал под забронзовевшим классиком два его ранних футуристических стихотворения, после чего нас, и читавших и слушавших, забрали в отделение милиции, где мы были допрошены в присутствии какого-то важного чина из КГБ, но в тот раз отпущены по домам, со строгим предупреждением.

Перед самым первым самостоятельным выступлением в районной Библиотеке им. Фурманова на Беговой был сочинен и оформлен в виде плаката такой вот провокационный текст о рождении нового общества и его намерениях: «Сегодня умерли Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Аксёнов, Гладилин, Кузнецов, Ефремов, Любимов, Эфрос, Хуциев, Калик, Тарковский, Неизвестный, Жутовский, Глазунов! Родились мы – СМОГ! Мы – подлинный авангард русского искусства! СМОГ!»

Первые съезд и демонстрация 14 апреля

Первый съезд СМОГа состоялся в полузаброшенном тогда Крутитском подворье. Разгорелась нешуточная перебранка по поводу задач и стратегии действий, многим было не очень понятно, зачем вообще собрались, но само по себе слово СЪЕЗД нравилось. Нужно было принять Программу, утвердить Лозунги, ну, в общем, почти как в КПСС. Кто-то хотел читать стихи, и свое *Письмо Андре Жиду* прочитала юная Юлия Вишневская, там был, цитирую Батшева, «целый набор слов, от которых публика вздрагивала и рукоплескала: “педераст” [...] “гомосексуализм” и т.п.». Читал Костя Труевцев пророческое и злоеющее *А по улице идут танки*. Его попросили уточнить: чьи? Он ответил: наши танки, по нашим улицам! И сразу же, помнится, разгорелась нешуточная перепалка почему-то по поводу солипсизма (вероятно, солипсизм кто-то хотел вставить в Программу?), и среди аргументов одной из сторон спора неизвестно откуда всплыл Ленин, известный критик солипсизма, но Ленина другая сторона бесцеремонно послала куда подальше. И думаю, кое-кто из «публики» опять нервно вздрогнул. Ведь о ленинско-сталинской кровавой жатве некоторые еще продолжали думать в рамках разрешённой критики, которую вульгарно можно выразить популярным в то время изречением: «всё дерьмо, но Ленина не трожь!» Ещё царило в молчаливом большинстве какое-то романтическое обаяние перед химерами в виде комиссаров «в пыльных шлемах» (Б. Окуджава). Химеры химерами, но из ГУЛАГа возвращались уцелевшие политзеки, и казалось, что и дальше процесс пойдет по пути либерализации, что приведет СССР к социализму с «вегетарианским» лицом.⁷

К сожалению, надеждам молодых мечтателей уже в годы, предшествующие рождению СМОГа, был нанесен ряд существенных оплеух. В 1962 году десталинизатор XX съезда Хрущёв, разрешив из конъюнктурных соображений *Один день Ивана Денисовича*, сам же испугался возможных непредсказуемых

⁷ О более вегетарианской послесталинской эпохе сказала А. Ахматова.

последствий и резко отвернул назад. Консерваторы-сталинисты в качестве идеологической «подставы» устроили для него экспозицию советских «абстракционистов» (декабрь 1962 г.). И тут уж вождь разошелся и не только в пух и в прах разнёс «эту мазню», но и смачно обозвал ее авторов «пидарасами». Тогда-то и были произнесены зловещие для либералов от советской культуры слова: «В вопросе искусства – я сталинист».⁸ Чуть позже Хрущёв обрушил свой сталинистский гнев на новую литературу (Вознесенский, Виктор Некрасов, Аксёнов, Евтушенко и др). С этого момента почти все робкие всходы оттепельной литературы были безжалостно растоптаны этим brutальным партийным гуманоидом, а науськивающие его на подобные акции Суслов и К^о радостно потирали ручки. Они же спустя несколько месяцев скинули Хрущёва с трона. В стане советской интеллигенции наступило тревожное ожидание, опять ждали перемен, робко надеялись на некие реформаторские шаги новых правителей, искали потаённый позитивный смысл в их критике хрущёвского волонтаризма. Подпольные интеллектуалы издевательски сравнивали Хрущёва с Шопенгауэром.

Эпохальным событием в истории СМОГа стала демонстрация 14 апреля того же 1965 года. Эпохальным без преувеличения, поскольку мы собирались самовольно пройти колонной в несколько десятков человек по центру Садового кольца от площади Маяковского (Триумфальной) до площади Восстания (Кудринской) и дальше – к ЦДЛ на улице Герцена (Б. Никитской), – и прошли! Такая молодая наглость властям могла присниться лишь в страшном сне. Думаю, нас было около ста человек, если считать не только смогистов, но и примкнувших к нам любопытных прохожих, пораженных нашей наглостью, а также большую группу специально засланных провокаторов и агентов в штатском, которые вырывали из наших рук плакаты, всячески пытались сбить колонну с пути, завести в какие-нибудь переулки и там рассеять. Что-либо подобное сегодня, в казалось бы свободной России, представить себе просто невозможно.⁹

Об этой демонстрации подробно рассказывает опять-таки Владимир Батшев в своих воспоминаниях (его роль в качестве хрониста СМОГа невозможно переоценить), а я, как участник, могу лишь подтвердить изложенную им версию фактов:

⁸ Об этих эпизодах «культурной политики» КПСС в настоящее время опубликована масса материалов, укажу здесь лишь на одну публикацию: <<http://www.kommersant.ru/doc/2614454>>.

⁹ Не преувеличивая политического значения этой смогистской акции, следует согласиться с тем, что она, очевидно, всерьёз обеспокоила начальство. А вскоре последовала демонстрация на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 года с требованием гласности суда над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, в которой тоже участвовали некоторые смогисты. В ответ на эти «антисоветские выходки» 16 сентября 1966 года в Уголовный кодекс была введена Ст. 190-3 – Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок. По этой статье полагалось до 3-х лет лагерей.

Утром ко мне домой приехали Урусов и Янкелевич. Мы сели за машинку и стали печатать программу СМОГ и петицию в Союз писателей. Не просто перепечатывать, а сочинять – добавляя в то, что я написал раньше, определенные обороты и термины. Тогда-то Урусов и вписал знаменитое «сумеречное состояние души», которое с таким удовольствием обсасывал в фельетоне Лиходеев. В петиции от СП требовалось: 1. Признать СМОГ самостоятельной творческой организацией молодых. 2. Предоставить СМОГу помещение для собраний и выставок. (Всего-то!) - Пора ехать, - сказал Марк. Мы взяли лозунги, засунули их под плащи и куртки, и поехали на Маяковку. Никакого волнения не испытывали. Подумаешь, демонстрация! Рядовое выступление поэтов. У памятника уже толпились люди, привлеченные нашей рекламой. [...] – Надо начинать, – подтолкнул меня к памятнику Урусов. Народ собрался. [...] Помню, как Урусов, расстегнув плащ, декламировал Маяковского: «Не высидел дома – Тютчев, Аннеский, Фет...». Потом рядом со мной оказался Калашников, я вынул из-под плаща плакат и дал ему. Плакат был таким: «ОТОРВЕМ ОТ СТАЛИНСКОГО МУНДИРА МЕДНЫЕ ПУГОВИЦЫ ИДЕЙ И ТЕМ!» Урусов и Янкелевич развернули свой плакат: «БУДЕМ ХОДИТЬ БОСЫМИ И ГОРЯЧИМИ!» [...] Янкелевич ещё не вытащил крамольного лозунга «ЛИШИМ СОЦРЕАЛИЗМ ДЕВСТВЕННОСТИ», он его, видимо, берег для Дома литераторов...¹⁰ (Батшев, *Записки тунядца* 313-320)

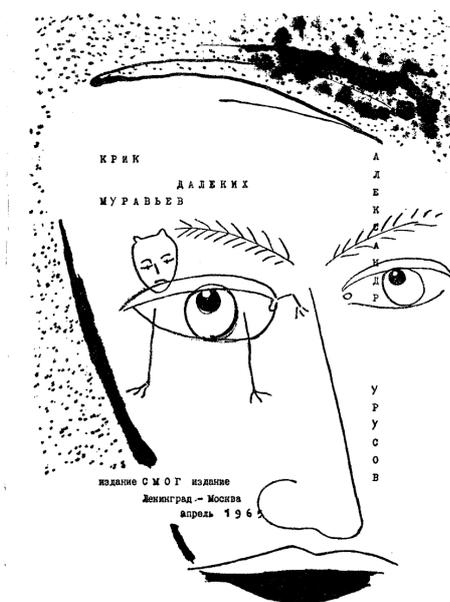
Результатом этой и других акций смогистов были поначалу довольно умеренные приговоры к исправительным работам на несколько суток, потом последовали ужесточения, и Батшев был отправлен в ссылку в Сибирь на 5 лет, а Губанов, Вишневская и другие оказались приговоренными к «вялотекущей шизофрении» и регулярно проводили месяцы в психушках, где их безуспешно пытались лечить от инакомыслия и таланта. Тем временем по всем нашим свободолобивым помыслам тяжелой кувалдой обрушился арест и процесс Синявского и Даниэля. Послесталинская оттепель окончательно приказала долго жить. Невинная, как нам казалось, самиздатовская самодеятельность оборачивалась уже серьезными репрессиями, особенно в том случае, когда самиздат неведомыми, якобы, путями оказывался тамиздатом. И это был именно наш случай.

¹⁰ По поводу «сумеречного состояния души». Это я, каюсь, вставил в манифест этот пассаж вместе с «раздвоенным сознанием» – плохо скрытые цитаты из популярного тогда *Золотого теленка*, и юморной Лиходеев в «Комсомольской правде» их, молодец какой, распознал и повеселился. А мне же казалось, что такой оборот несколько растопит пафосную серьезность документа, и что он, действительно, отражает наше реальное состояние. Ну, не совсем сумеречное может быть, но точно – раздвоенно-сумбурное. У меня, во всяком случае, оно было радостно-напряженно-сумбурным. Но некоторые, соглашусь, сознание имели вполне ясное, не особо затуманенное образованием и талантом.

Журнал «Сфинксы» и другой самиздат СМОГа. Тарсис

Помнится, Губанов или Батшев, или оба они вместе, потребовали от меня срочно какой-нибудь короткий рассказ для публикации в собираемом ими смогистском органе «Сфинксы». Я немедленно выдал им уже написанный пару лет назад совершенно детский, но в кафкианском духе рассказик, вернее, в духе некой смеси из Леонида Андреева, Бальмонта и Кафки (два или три рассказа Кафки были переведены и опрометчиво напечатаны в «Иностранке»). Мой рассказик назывался Притча о технике Григорьеве. Понимая художественную слабость притчи, я настоял на псевдониме – Аркадий Усякин. Несмотря на слабость, мой текст был принят Редакцией (Губанов и Батшев). Свой в то время главный труд, Крик далёких муравьев («изыск в двух частях»), над которым я трудился не менее недели (в отличие от Притчи, набросанной за день), было решено выпустить отдельным выпуском под видом «издания СМОГ, Ленинград-Москва, апрель 1965».

Тот же Губанов сделал рисунок на обложку, он был неплохим рисовальщиком.

Обложка «Крика далёких муравьев» с рисунком Л. Губанова.

В издательстве СМОГ в 1965 г. вышли книги:

- В. Алейников. Календарь, книга 1, стихи 1963-64 г.г.
- Его же. Календарь, книга 11, стихи 1964-65 г.г.
- Его же. Готовится/Календарь, книга 3, стихи, Комедия.
- Л. Губанов. Болезнь. Стихи.
- Л. Губанов. Ждите. Стихи и поэма.
- В. Батшев. Лабиринт. Стихи.
- В. Батшев. Синий корабль. Поэма.
- Его же. Готовится/ Кинокадры. Стихи и поэма.
- Б. Юблановский. Арлекин. Стихи и поэма.
- Сборник "ЧУ". Стихи Батшева, Алейникова, Юблановского, Губанова/ - распродан
- "Авангард". Журнал Авангарда Левой культуры под редакцией Л. Губанова. № 1.
- "СМОГ"/ Рассказы, повести, статьи (Л. Урусова, М. Панова, Н. Кадугина, А. Урусова, В. Батшева, И. Труевича, С. Морозова, Е. Сорочкин, В. Кадугина/ - готовится
- "Авангард" под редакцией Л. Губанова и В. Алейникова. № 2 - готовится
- А. Урусов. Крик далёких муравьев. Изыск в 2-х частях.
- "Его-Смог", журнал левой группы СМОГ - готовится
- "Урал-Смог", журнал восточной гр. СМОГ - готовится
- Л. Губанов. Дика. Стихи. - в печати
- "СМОГ-машинки"/ Стихи и рассказы (М. Цимановской, Б. Дубина, М. Янкевичева, А. Иванушкина, С. Морозова, И. Резникова, М. Гусева, А. Разумовского/

Страница с перечнем изданий СМОГ, напечатанная на машинке с ущербной буквой «у».

Свои опусы я печатал на трофейной, привезенной отцом с войны машинке с русским шрифтом, в котором не хватало буквы у, её приходилось дорисовывать ручкой.

Через несколько дней после «выхода в свет» журнала¹¹ Батшев пригласил меня на важное мероприятие. Все происходило в секретной обстановке советского шпионского романа. О том, куда мы идём, мне было сообщено в последний момент, когда мы уже входили в подъезд писательского дома у метро Аэропорт. «Идем к Тарсису», – сказал мне шепотом Володя, а обязательно в таких домах сексоту-лифтеру назвал громко какую-то другую писательскую фамилию. По-моему, лифтер ему не поверил, но в дом был вынужден впустить. Валерий Яковлевич Тарсис, о котором я тогда ничего не знал, был, однако, личностью выдающейся во всех отношениях. Греко-украинец, писатель, переводчик, знаток европейской литературы, уже исключённый к тому времени из СП СССР за писательскую антисоветскую деятельность, будущий пациент сумасшедшего дома, посаженный туда за ту же деятельность. За более полной информацией о нем отсылаю читателя к Википедии и к его прозе, частично опубликованной теперь и в России. Он встретил нас как добрый дедушка встретил бы своих любимых внучат (нам 18, ему около 60). С Батшевым он уже был знаком, со мной же познакомился крайне любезно, поинтересовался, пишу ли, и выразил неподдельное удовольствие, наскоро пролистав врученный ему экземпляр моего *Крика*. «А Сфинксы?» – спросил Володя. «Уже отправлены. Вчера приходила одна голландская студентка, была здесь на стажировке, зашили ей журнал за подкладку в сумке, уже поехал, сегодня должен быть там!». Ситуация казалась настолько обыденной и безмятежной, что как-то и не думалось совсем, что произнесенные только что слова тянули на несколько лет лагеря (напомню, что спустя семь-восемь месяцев: Синявскому – 7, Даниэлю – 5). А тем временем разговор плавно перешел на отвлечённо литературные темы. В.Я. сообщил, что собирается писать серию романов из времен итальянского Возрождения, потом, указав на лежащий на столе увесистый том *Улисса* на английском, посоветовал нам читать Джойса, «Хотя, – заметил, – перевод, напечатанный в тридцатых годах в “Интернациональной литературе” очень плохой. Да и вообще, лучше *Улисса* читать в подлиннике, посмотрите, – он открыл книгу, – вот джойсовский период, видите: на полторы страницы фраза. А там еще латынь, старофранцузский, итальянский. Ну как тут переведёшь!» Мы, открыв рот, молчали. Визит окончен, и мой *Крик* отправился (кто знает, какими в этот раз путями?) в долгое плавание по «свободному миру».

Как мой «Крик», оказывается, был услышан в Исландии

В 1984 приблизительно году, уже в Неаполе, при составлении библиографии для дипломной работы одного нашего студента, я случайно обнаружил в

¹¹ Тираж журнала неизвестен. Батшев, например, утверждает, что его размножали десятки преданных подпольных машинисток, но думаю, в этом есть некоторое лирическое преувеличение, а тот единственный «тираж», что я сам держал в руках, состоял из пяти копий через копирку, текст пятой распознавался уже с трудом.

университетской библиотеке итальянский сборник с переводом моего изыска.¹² Премного удивившись и испытав, естественно, некоторую толику законной гордости, я всё-таки не придал факту большого значения, приписав его интересу публикаторов к подпольным изданиям в СССР вообще, а не к моему рассказу. Ну, были перепечатаны наши «Сфинксы» в «Гранях»; ну, напечатали и перевели заодно в ряду других смогистских произведений и мой рассказец. В миланское издательство Jasa Book я не бросился объявлять себя автором. Но позже ко мне попадает книжка Юрия Мальцева *Вольная русская литература*, где о моём Крике говорится в очень лестных выражениях.¹³ Но даже встреча в Милане с самим Юрием Владимировичем Мальцевым и какие-то вялые разговоры с ним не пробудили во мне желания углублять и расширять поиск по теме СМОГ. Казалось, что все это происходило в какой-то другой жизни, и человеку, попавшему в жизнь новую, следует забыть о том, что было, ведь есть опасность, что груз прошлого скрючит тебя ностальгической тоской (вспоминаю, что подобные советы мне давали в Париже русские эмигранты со стажем). Да и любой подобный поиск, тогда ещё без интернета и в обстановке странного для меня безынтереса к антисоветскому литературному подполью со стороны итальянского очень политизированного, «левого» университетского истеблишмента, был бы крайне трудоёмким.¹⁴

¹² *Da riviste clandestine dell'URSS* 169-183.

¹³ Мальцев 86-88.

¹⁴ Для примера упомяну один только пассаж из анонимного предисловия к упомянутому сборнику с моим рассказом. Итальянское издательство (Jasa Book), даже публикуя материалы из откровенно антисоветских «Граней», посчитало необходимым обезопасить себя от критики «слева» таким образом: «Обвинения и протесты по поводу советской политической и социальной системы очевидны, особенно в журналах «Феникс» и «Сфинксы», но нам не хочется, чтобы это стало поводом для западной политической пропаганды. Мы считаем нужным напомнить, что речь идет о русских молодых людях, которые протестуют внутри своей страны. Нужно быть очень осторожными, чтобы этот протест не принял характер огульных обвинений коммунизма или социализма» (*Da riviste clandestine dell'URSS* 6).

СОДЕРЖАНИЕ		
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ		
АЛЕКСАНДР УРУСОВ — «Крик далеких муравьев». Рассказ		3
Из зарубежной русской поэзии:		
СЕРГЕЙ РАФАЛЬСКИЙ — «Последний вечер». Поэма		11
ВОСПОМИНАНИЯ		
ЮРИЙ КРОТКОВ — «Пастернаки»		36
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА		
ВОРИС ФИЛИППОВ — «Природа и творчество Абрама Терца и Николая Аржака»		75
ДОКУМЕНТЫ		
Суд над А. Д. Сивякиным и Ю. М. Давыдовым. Запись заседаний суда и последних слов подсудимых		94
ИСКУССТВО		
Н. ЕЛЕНЕВ — «Замыслы и труды». Пути русского эстетического индивидуализма		177
ПУБЛИЦИСТИКА		
Д. УШНИН — Новые веяния в атенетической пропаганде в СССР		198
БИБЛИОГРАФИЯ		
Святи, К. Фотиев. Философия иконописи. — Э. Рабе. Новые издания О. Манделштама и Н. Заболоцкого. — С. Кирсанов. Освальд фон Нельд-Вройнинг — немецкий солидарист. — Сергей Левинский. История русской политической мысли		231
Обращение издательства «Посев» к писателям, поэтам, литературным краткелья и деятелям искусства и науки, к литературной молодежи и студенчеству		237

Содержание журнала *Грани* 60 (1966 г.)

Всё это убедило меня тогда, что игра не стоит свеч. Тот эпизод моей жизни, думалось, был интересным (как многое в юности), но необязательным, мог иметь куда более трагическое продолжение, но тогда всё ограничилось, к счастью для меня, лишь мелкими пакостями, которыми органы тешились вплоть до моего отъезда из СССР. После того как СМОГ придавили, разогнали и рассеяли, меня занесло совсем в другие творческие компании, да и подпольный мир 70-х, в котором я продолжал частично находиться, стал качественно другим. Наступили тяжело-тягучие (застойные) семидесятые, была жизнь, которая всё более и более удалялась, во всех смыслах, от смогистской юности...

Забавный комментарий некоего блогера к тексту Мальцева я прочитал недавно в Интернете:

Упоминаемый Мальцевым Александр Урусов вроде эмигрировал в Италию. И там преподавал русскую литературу в каком-то университете. Игорь Дудинский рассказывал мне, что якобы Урусов был очень популярен среди московской богемы в 60-е годы. До того как стал известен и популярен Юрий Мамлеев. И якобы, познакомившись с текстами Мамлеева, Урусов перестал писать прозу, переключившись на литературоведение...

Этот слух, не знаю уж как родившийся на свет, не совсем точен. Знакомство с прозой Мамлеева происходило исключительно путем слушания его рассказов в

авторском же исполнении, читать его тетрадки с рукописными текстами ни мне ни другим было не дано. И слушание производило, должен признаться, ошеломляющее впечатление. И как раз наоборот, уважаемый блогер, побуждало к писанию, вызывало во мне прямо-таки писательский зуд.¹⁵ Я сочинил в то время довольно большое количество рассказов, но, опасаясь обыска, не печатал их на своей хромой на букву «у» машинке, а хранил эти тексты в рукописном виде, думая, что так уж они точно не смогут послужить обвинению в «распространении заведомо ложных материалов, порочащих советский государственный строй...» Единственный напечатанный в одном, к сожалению, экземпляре, сборничек из трех довольно невинных с «советской» точки зрения рассказов у меня украл как раз упомянутый выше Игорь Дудинский. Кроме рассказов я все семидесятые годы силился сочинить свой «роман века». Было название – *Химера* (или *Химеры*), были уже готовы отрывки с гениальными, как мне казалось, ходами, но все эти листочки, тетрадки, куски романа и рукопись *Крика далёких муравьев* у меня пропали в момент отъезда в Италию. Может, оно и к лучшему. Помню как я был раздосадован, узнав, что название моего так и не написанного до сих пор романа наглým образом присвоил себе американский писатель Джон Барт (*John Barth, Chimera*, 1972). Успокаивало то, что название я придумал раньше него. Многие в нашей советской (и антисоветской) жизни было обусловлено нашим существованием в мире разнообразных химер.

Вернусь в начальный период моей жизни на Западе. Одним главных достоинств этой жизни был ставший доступным мне теперь океан «тамиздата», я запоем читал все, изданное «там»: Набокова, *Котлован* и *Чевенгур*, Оруэлла, пытался осилить Пиранделло и Палаццески в подлиннике, и сотни других бесценных книг ждали своей очереди. Начал писать что-то научное, хотя и не «переключился полностью на литературоведение». Мой *Крик* в то время как-то совсем скукожился и затих. И поэтому, когда обнаружил перевод его на итальянский, честно скажу, не испытал особой гордости. И долгие годы после этого не подозревал, что из эмигрантского журнала «Грани»¹⁶ мой текст почти сразу же разлетелся по всему свету. Оказывается, он уже был переведён не только на итальянский, но также на английский – и напечатан в издательстве Penguin,¹⁷ – по-французски вышел в издательстве Albin Michel (1971),¹⁸ и кто

¹⁵ Позже, прочитав глазами рассказы Мамлеева и, особенно, его романы, я находил в них и великолепные находки, и множество стилистических огрехов. Думаю, что подобные промахи вообще присуще самиздату, не проходящему через правку, часто необходимую, умелого редактора (не цензора).

¹⁶ Александр Урусов, *Крик далёких муравьев*, *Грани*, № 61, 1966 (стр. 3-10).

¹⁷ *Soviet Short Stories*, Vol. 2. В этой книжке я оказался в компании Бабеля, Зощенко, Замятина, Грина, Битова, Аксенова и Терца (Синявского). Правда, в индексе имен про меня было сказано: «возможно псевдоним».

¹⁸ *Littérature russe clandestine*. Здесь я среди таких известных личностей, как Солженицын, Максимов, Буковский и др.

знает, на каких еще языках он оказался напечатан. Самое интересное приключилось именно сейчас, в дни сочинения этого очерка, когда обуреваемый просто филологическим любопытством, но никак не гордыней, я залез в интернет и начал набирать свою фамилию в разных транскрипциях – Aleksandr Urusov, Alexandre Ourousov и т.д. И наружу из далекого прошлого вдруг выскочил мой *Крик* на исландском языке!¹⁹

Страница из исландского журнала с публикацией «Крика».

Видимо, что-то знал или предчувствовал Ленья Губанов, когда шутил про «китайские» тиражи. Шутки шутками, но некоторая горечь всё-таки появилась: никто в мире и не подумал о моем гонораре, за все эти публикации я не получил ни копейки и не был даже оповещён о их существовании. А ведь в КГБ наверняка знали, но информацией не поделились.

Теперь, откликнувшись на просьбу рассказать о моем прошлом участии в самиздате, я начал рыться в интернете и обнаружил там статью о смогистах Эммануила Райса (E.M. Rais), чьё имя мне было уже знакомо по вступительной

¹⁹ Опубликовано в LESBÓK MORGUNBLADSINS. Reykjavík. 17. september 1967 p.4, 14. Не владея исландским, о переводе судить не берусь, название же написано так: *Söngur hinna fjarlægum maura. Eftir Alexander Urusov*. Для справки в Интернете: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pubId=288, далее следует выбрать дату публикации: 17. september 1967 и стр. 4, 14.

статье к первому зарубежному собранию сочинений Мандельштама. Вот, что было в этой статье сказано обо мне:

Невозможно обойти молчанием и замечательного прозаика Александра Урусова, каждое слово которого в его рассказе *Крик далёких муравьев* взвешено с такой же тщательностью, какой требует поэзия. Он повествует об угрызениях совести убежавшего из концлагеря заключенного, спасшего свою жизнь ценой гибели своего товарища. [...] И всё-таки совесть мучит Урусовского героя – его требования к себе чрезвычайно высоки. [...] Общение героя с умершим другом затрагивает ещё одну интереснейшую для литературы в СССР проблему: бессмертие души. И ещё: видно, что для Урусова человек в центре всего. И судьба человека важнее судьбы мира. Она и есть судьба мира. [...] *Крик далёких муравьев* – замечательная диалектически-трагическая параболла партийного порабощения...

Дальше в статье – цитаты из моего текста:

«И я верил ему. Я был убежден, что на свете нет ничего, кроме темноты. Я привык к ней. Мне казалось, что искать выход из темноты бессмысленно. У тюрьмы нет выхода. Наша тюрьма – это весь мир. Но брат ищет какой-то выход. И подчиняюсь ему, я тоже ищу...» Эти строки идут уже дальше политики. Они ставят проблему метафизического бытия человека в космосе. Но этим самым они включают и политику. И выход будет найден... (Райс 98-112)

Мог ли СМОГ продлиться дольше своей слишком короткой жизни? Могло ли вообще существовать какое-либо общество, объединение, союз поэтов в государстве, где поэт, но не *член*, автоматически причислялся к *тунеядцам* и должен быть за это наказуем (Бродский, Батшев)? Каков мог быть этот воображаемый союз там, где уже был специально создан (взамен всяким там Гилеям, Серапионовым братьям, ЛЕФам, УНОВИСам, Аполлонам и Гипербореям) Союз писателей СССР, где Союз с заглавной, а писатели (говно²⁰) с маленькой. Где «учёт и контроль», где «кто не с нами, тот против нас»? Естественно, в такой стране СМОГ не смог, к сожалению, выжить. Даже лишиться соцреализма девственности тоже не смог, да и стоило ли связываться с этой дряхлой, уже полуживой горьковской старухой, никогда особо и не бывшей девственницей? И вообще, процесс *лишения* происходил уже задолго до нас, и не группой, а поодиночке, в индивидуальном порядке, в тиши, за письменным столом.²¹ Но – молодость, наивность (иногда граничащая с глупостью, которые некоторые считают безрассудностью), энтузиазм, тестостерон, моторная юношеская акатизия (непоседливость). Многих вылечило время, но некоторые

²⁰ Определение Д. Хармса в «Случаи», № 15.

²¹ Хотя и группой, как утверждали некоторые позже, вернее, массой тоже можно: «Массовая культура одержала решительную победу над “культурой идеологического конфликта”» (Пеперштейн 535). Автор идёт и дальше, утверждая, что массовая, «тотальная» культура в начале 1990-х одержала победу над СССР. Но тут уже можно поспорить.

еще силятся вспоминать и перекраивать прошлое, поскольку будущего, видимо, уже не предвидится...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 – О смогистах

Леонид Губанов (1946-1983)

Самым ярким поэтическим явлением СМОГа был Леонид Губанов – поэт Божьей милостью. Цитирую (по памяти) Б.Батшева: «Все мы, смогисты, были поэтами от литературы, один Губанов – поэтом от Бога!».

Главным, вожаком был Леня Губанов – поэт с совершенно ясными голубыми с сумасшедшинкой глазами и челочкой под блатного. Губанов кочевал из одной мастерской и кухни в другую мастерскую и кухню, по ранним московским салонам и всюду читал свои стихи с огромным успехом. (Генрих Сапгир)

Близко с ним общаясь в 1965 году и в последующие четыре-пять лет, я постоянно удивлялся тому, откуда вырастают его стихи. Он вел самую настоящую божественную жизнь, много пил. Но не по этой конечно причине, а в силу своего необузданного таланта и социальной неуправляемости Губанов был абсолютно маргинальным для советского общества индивидуумом. Уже при жизни о нем ходили по Москве легенды. Потом был перерыв в нашем общении лет на десять. Я встретил его уже перед своим отъездом в 1981, кажется, году. На себя молодого он не походил был угрюм, неразговорчив. Умер он спустя два года, в 37 лет, как Пушкин, как сам о себе заказал: «Холст 37 на 37, такого же размера рамка, мы умираем не от рака и не от старости совсем...»; «Я не на улице умру / среди бесстыдного народа, / а книжных полок посреди, / черновиков где рваный ворох».

В одной из рецензий на его сборник сказано: «историко-филологическая работа с наследием Губанова требует спокойного и взвешенного отношения и к самому автору и к историко-культурному контексту его творчества, чрезвычайно, кстати, интересному и современным молодым читателям абсолютно неведомому».

Эти 12 строчек шестнадцатилетнего Губанова (из поэмы *Полина*), были напечатаны в «Юности» и остались единственными опубликованными в СССР при жизни:

Холст 37 на 37,
такого же размера рамка.
Мы умираем не от рака
и не от праздности совсем. [...]
Когда изжогой мучит дело,
и тянут краски теплой плотью,
уходят в ночь от жен и денег
на полнолуние полотен.
Да! Мазать мир! Да! Кровью вен!

Забыв измены, сны, обеты.
И умирать из века в век
на голубых руках мольберта!

Синяя сирень

М.И. Цветаевой

Тех рук умирающий круг,
тех ласк – позолоченный глаз,
причѐсанный конь или стук
тех рук?! [...]

А в общем, наверно, любил,
да гвозди меж пальцев забил,
теперь, моя Муза, твори!
Надеюсь, что руки – твои!!!

.....

«Знаю я, что меня берегут на потом,
и в прихожих, где чахло целуются свечи,
оставляют меня гениальным пальто,
выгребая всю мелочь, которую не в чем»
(вариант: «выгребая всю мелочь, которая вечность»²²)

Я родился, чтобы пропеть,
отзвенеть на ветру осиной.
Я родился, чтобы терпеть
смех твой звонкий и свет твой синий.
Я родился, чтобы понять
век погромный и миг наш краткий.
Я влюбился, чтобы обнять
мир огромный и стан твой сладкий,
виноградную гроздь сломать,
гвоздь погнуть и шагнуть в бессмертье.
Я родился, чтобы с ума
вас свести, как рисунок с меди.
И вдали черешневых глаз,
звездам преданный, как собака,
я родился, чтобы хоть раз
на груди у счастья заплакать.
В этом зеркале — небеса.
В небесах — золотая тайна.
Тайна в том, что я написал,
ведь родился я неслучайно.

²² Утверждает Шмелькова 128.

Сергей Морозов (1946-1985)

Удивительно тонко чувствующий поэт, он и в жизни был деликатно-скромным, никогда не лез вперёд, читал на публике мало, но был единственным, кто мог читать вслед за Губановым, и слушатели Морозова воспринимали именно так, как требовала именно *его* поэзия того смогистского периода – традиционная, с регулярными размерами и рифмами. Мне она казалась очень талантливой и по-старинному «повествовательной», в отличие от авангардистских устремлений других смогистов. Он покончил с собой в 1985 году, так и не увидев напечатанной ни одной своей строчки, хотя, как пишет В. Дубин, подготовил к печати семь рукописных книжек своего собрания сочинений. Однажды, у меня дома, он читал отрывки из своего «романа в стихах», который мне показался тогда очаровательным современным *Онегиным*, но следов этого романа среди немногочисленного уже опубликованного я не нашел.

Он придет однажды в коверкотовом пиджаке
и протянет бумажку, как охотник вслед волку жакан,
А в бумажке написано, что меня давно нет
и что кости мои обглодал в пустыне шакал.
Что не может плакать, не хочет плакать пурга,
последние слезы вылив в океана Ледовитого подушку.
Он скажет: «Я не хочу вас пугать,
но все же подумайте».
(1965)

...

Живу, как день велит, и потому неплохо,
мне всякий час теперь – сугубая родня.
Так не гони меня, ворчливая эпоха,
поделим как-нибудь и веточку огня,
и каверзы Невы, не по-февральски черной,
и теплое лицо, что нам несет трамвай.
Уж лучше обойди, но жизни прирученной
у сына своего из рук не вырывай!

Юлия Вишневская

Была поэтическим вундеркиндом СМОГа (16 лет), с характером крайне независимым и трудноуправляемым. Была необыкновенно эрудирована для своих лет и условий советского информационного изоляционизма. «Я – лирический циник», – говорила о себе. По причине своего таланта и несоветского поведения много раз подвергалась «лечению» карательной психиатрией. В 1971 эмигрировала, работала в аналитическом отделе Радио Свобода.

Есть конец любимым шагам.
А пока летит дорога,
Да послужит вам подмогой

Бесконечная игра.
Есть конец любым кругам
И любым крутым врагам.
Пусть вам будет утешеньем
скудоумье топора.

Марк Янкелевич (Марк Эдвин)

Я не нашел, к сожалению, текстов по-русски Марка Янкелевича, моего хорошего приятеля тех лет, умного тонкого прозаика, автора коротких рассказов в жанре, скажем, иронической метафизики. Но несколько его миниатюр я обнаружил в переводе на итальянский в уже цитированной «смогистской» подборке *Da riviste clandestine dell'URSS*. По слухам, Марк, повзрослев, стал известным искусствоведам, но его дальнейшая постсмогистская судьба мне неизвестна.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Из *Notes on Authors: Biography and Bibliography* к книге *Soviet Short Stories 2* (Penguin Books, 1968):

ALEXANDER URUSOV. Urusov is apparently one of those writers in the Soviet Union who can publish little or none of their work in the official press. His name may be a pseudonym. Such writers have a long tradition in Russia. [...] Urusov's *The Cry of the Distant Ants* was printed in this way by a publisher with the curious name of «SMOG»; the title page also reads: «Leningrad-Moscow, April 1965», «SMOG», a subject of lengthy attack in the Soviet press, appears to stand for the initial letters of the Russian words for boldness (*smelost*), youth (*molodost*), image (*obraz*) and profundity (*glubina*). Alternatively, and more frivolously, it can stand, according to a Soviet commentator, for 'The Youngest Society of Geniuses' (*Samoe Molodoe Obschestvo Geniev*). In any case, as well as publishing, «SMOG» seems to have exerted pressure for greater cultural freedom and also to have helped in organizing public demonstrations of the sort staged in Moscow in December 1965 on behalf of Sinyavsky (*Tertz*) and Daniel (*Arzhak*). Unofficial writing not surprisingly tends to concentrate on those themes which are most difficult to treat in the official press: the intensely personal and the socially or politically critical. An almost desperate concern for honesty permeates such work: the censor no longer inhibits the creative or social impulse. If reality is often confused, nightmarish, guilt-stricken or exalted, then these sensations must be recreated exactly, without regard to whether or not every reader will fully understand. *The Cry of the Distant Ants* has many confusions, but the feeling is so intense, the language so controlled, that a powerful, coherent work of art results. Official Soviet literature has generally suffered from too much false clarity, too many facile «solutions». Hence the urge of many unofficial writers to explore the mysterious, intangible, more irrational, but still terribly real aspects of existence. For these phenomena there are no easy formulae or answers.

The text used here is taken from the literary journal *Grani*, No. 60, June 1966 (Frankfurt), which reproduces the, «S M O G» edition. This journal often publishes unofficial or 'underground' Soviet literature.

Александр Урусов в наши дни в Неаполе со своим романом “Липучие сны”. За спиной - плакат Итальянской большевистской партии. Фото М. Талалая.

Библиография

Da riviste clandestine dell'URSS. Testi letterari e poesie (Из подпольных журналов СССР. Литературные тексты и стихи). Milano: Jaca Book, 1966. Печать.

Littérature russe clandestine. Trad. Claire Lopez. Pref. Jean-François Revel. Paris: Albin Michel, 1971. Печать.

Soviet Short Stories. Vol. 2. Harmondsworth: Penguin Books. 1968. Печать.

Urusov, Alexander. *Söngur hinna fjarlægju manna*. Reykjavík: MORGUNBLAÐSINS. 17 сентября 1967. 4-14. Печать.

Батшев, Владимир. *Записки туняйца*. Москва: Голос, 1994. Печать.

---. *СМОГ: поколение с перебитыми ногами*. USA: Franc-tireur, 2009. Он-лайн: <http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=220>

Губанов, Леонид. “Стихи.” *Дружба народов* 7 (2009). Печать. Он-лайн: <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/7/an18.html>>

---. *Биобиблиография*. Он-лайн: <<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=42117>>

Дубин, Борис [Предисловие к стихам С. Морозова] *Знамя* 5 (2003). Он-лайн: <<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/5/marozov.html>>

- Журбин, Андрей Алексеевич. “Интертекстуальность творчества Леонида Губанова.” Астрахань, 2001. Он-лайн. <<http://www.dissercat.com/content/inter-tkstualnost-tvorchestva-leonida-gubanova>>
- Лиходеев, Л. “Отраженная гипербола.” *Комсомольская правда* 143 (20 июня 1965): 2. Печать.
- Мальцев, Юрий. *Вольная русская литература. 1955-1975*. Frankfurt/Mein: Посев, 1976. Печать.
- Пеперштейн, Павел. “Критика сновидений.” В. Мазин, П. Пеперштейн, *Толкование сновидений*. Москва: НЛО, 2005. Печать.
- Поликовская, Людмила. *Мы предчувствие... Предтеча...* Москва: Звенья, 1997. Печать.
- Райс, Эммануил. “Модернизм и молодая русская литература.” *Грани* 61 (1966): 14-27. Печать.
- Урусов, Александр. “Крик далёких муравьев. Изыск в 2-х частях. Издательство СМОГ.” *Грани* 61 (1966): 3-10. Печать.
- Шмелькова, Наталья. *Во чреве мачехи*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1999. Печать.